

«ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» И ИХ АРМЯНСКИЙ ПЕРЕВОД

К. Л. МКРТЧЯН

Повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» переводилась на многие языки, а также на языки смежных искусств—например, неоднократно переделывалась для сцены.

В то же время единственным реальным и законченным переводом ее на армянский язык по сей день является перевод А. Мазманяна, увидевший свет в 1954 году в третьем томе шеститомного собрания сочинений Н. В. Гоголя на армянском языке.

Разумеется, армянская общественность была знакома с этим произведением Н. В. Гоголя и до 1954 года, непосредственно по оригинальному тексту. Делались и попытки перевода. Так, Русет Оганнисян упоминает, что в 1886 году «Записки сумасшедшего» перевел Ал. Ширванзаде¹. И. Б. Вардапетян во вступительной статье к библиографии «Н. Гоголь в армянских переводах и критике» тоже говорит о переводе Ал. Ширванзаде (1886 г.), добавляя, что перевод не был опубликован и что «Записки сумасшедшего» в переводе Ал. Ширванзаде вошли в репертуар великого армянского актера Петроса Адамяна². Упомянем, что зрители тепло приветствовали исполнение Петросом Адамяном отрывков из «Записок сумасшедшего»³. Судя по всему, ни Р. Оганнисян, ни И. Вардапетян не располагали текстом перевода и о собственно переводе никто из них не пишет. Да и наши поиски не увенчались успехом.

Совсем небольшой отрывок из «Записок сумасшедшего» (только записи Поприщина от восьмого, девятого и одиннадцатого ноября) был еще в 1902 году переведен и опубликован без подписи переводчика в приложении к газете «Тараз»—«Парижские моды». Отрывок гоголевского повествования, вероятно, привлек редакцию мечтами Поприщина о будуаре «ее превосходительства», восторженным описанием ее туалета и выполняет декоративную, даже рекламную функцию: он окружен рисунками к модным фасонам и комментариями к ним (слева—шляпка и корсаж «Вест», справа—бархатная блузка для театра и платье для девочки-подростка). По иронии судьбы в «дамский» журнал попали вырванные из текста строки писателя, который как раз неустанно боролся против «дам, приятных во всех отношениях» и их куриного кругозора.

При всем том заметим: живость слога и журналистская хватка позволили анонимному переводчику избежать тяжеловесности и сухости языка, которые, к сожалению, столь присущи переводу А. Мазманяна—сказывается общий высокий уровень армянской тифлисской журналистики начала века.

В дальнейшем объектом анализа будет только перевод А. Мазманяна—как из-за мизерного объема отрывка в «Таразе», так и из-за полного исключения его из реального литературного процесса.

¹ Русет Оганнисян. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, «Айпетрат», 1952, с. 239.

² В сб.: Литературные связи, т. 2, Русско-армянские литературные связи. Ереван, изд-во Ереванского университета, 1977, с. 260.

³ См.: «Արմաշիր», 1886, № 44, с. 568.

В статье сделана попытка рассмотреть повесть Н. В. Гоголя на русском и армянском языке под переводческим углом зрения, что предполагает сопоставительный стилистический и фоновый анализ художественной системы оригинала и перевода, выявление некоторых стилистических особенностей повести, которые представляются важными для понимания произведения, и обоснование их инвариантности для перевода.

*
* *

Просторечие. Подчеркнутое внимание к этому пласту языка и его виртуозное использование—наиболее яркая примета гоголевского стиля⁴.

«Записки сумасшедшего» занимают к тому же особое место в гоголевской прозе благодаря специфике дневниковой формы.

Дневниковая форма в литературе обладает известной условностью, которая, соответственно, проявляется и в сфере языка. Перед нами, по сути дела, внутренний монолог героя, и он строится по законам **устной** речи (имеется в виду **художественная** устная речь, законы организации которой лишь соприкасаются с реальной разговорной речью, имеющей свои законы⁵, но не копируют её⁶). При этом значимость стилистических изменений и различий еще более возрастает: нет прямого противопоставления речи одного героя речи остальных, многоплановость произведения выражается многоплановостью речи одного героя:

А. Мазмания в ряде случаев удачно переводит просторечные элементы:

1. *...обчистит так, что только одну рубашку оставит⁷.* ...կլլովի⁸...
2. *На улице не было никого; одни только бабы, накрывшись плащами, да русские купцы под зонтиками, да кучери попадались мне на глаза (167).* ...կեանիք... (219)
3. *«Эге!» сказал я сам себе: «да полно, не пьян ли я?» (168).* «է՛-հե՛,— առաջի ինքս ինձ,— կա՛ց, ես ես հարթած չե՛մ»: (220)

«Обчистить» хорошо передано аналогичной армянской просторечной формой. Во втором примере важно противопоставление: Поприщина говорит, что на улице никого не было, а были только бабы и купцы, т. е. он их даже за людей не совсем считает. Разумеется, отношение Поприщина к простонародью должно быть сохранено в переводе. Переводчик на наш взгляд удачно передал «бабы» как «կեանիք», особо подчеркнув пренебрежение Поприщина. В последнем примере подкупает непринужденность армянской реплики Поприщина.

К сожалению, таких удач у А. Мазмания не много. Гораздо чаще его решения не могут не вызвать возражений.

---

⁴ Под **просторечием** в теории перевода обычно объединяют как разговорную лексику, входящую в состав литературного языка, так и собственно просторечную, которую лингвисты целиком или частично выводят за его пределы: основанием для такого объединения является, по-видимому, их функциональная одноплановость в языке художественной литературы.

⁵ О законах устной речи см.: О. В. Сиротина, Современная разговорная речь и ее особенности. М., «Просвещение», 1974.

⁶ См.: Квета Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Universita Karlova. Praha, 1971.

⁷ Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в шести томах, т. 3, М., ГИХЛ, 1949, с. 167. В дальнейшем—только страница.

⁸ Ն. Վ. Չոբոյ, Երկերի ժողովածու վեց հատորով, հ. 3-րդ, Հայպետհրատ, Եր., 1954, էջ 219: Հետաքաշում կեռվին միայն էլերը:

Слово «проноухать» в переносном употреблении действительно значит «узнать» (точнее, все-таки разузнать), но, во-первых, важна и коннотация слова, а во-вторых, переводчик совершенно упустил из виду явный каламбур: «собачонка... проноухала». В этом контексте опять-таки одновременно реализуются сразу два значения слова, и их совмещение вызывает у читателя улыбку. Отметим, что попыток компенсировать эти потери в других местах нет.

На тексте повести со временем появилась патина времени: какие-то слова устарели, в каких-то случаях изменилась их семантика:

1. **Достатков нет** — вот беда (171).

Կարողութիւն չունեմ, — անկ դժբախտութիւնս: (224)

2. *Девчонка была глупа! я сейчас узнал, что глупа!* (173).

Աղջիկը հիմար էր. ես խելոյն իմացա, որ հիմար էր: (227)

3. *«Этот дом я знаю», сказал я сам в себе. «Это дом Зверкова». Эки машина!* (168).

«Այս տունը ես ճանաչում եմ, — ասացի ինքս ինձ, — սա Զվերկովի տունն է»: Որքան մեծ է: (221)

4. *Впрочем ведь теперь по всей Европе чугунные дороги и пароходы ездят чрезвычайно скоро* (182).

Ասեմք, հիմա ևս ամբողջ եվրոպայում շուտունե՛ն ճանապարհներ կան և շոգենավերը շափազանց արագ են ընթանում: (240)

В гервых трех случаях переводчик правильно интерпретировал оригинал, хотя сегодня и не говорят «нет достатков», не употребляют «сейчас» как «сразу же», а «машина» как «машина». Однако «пароход» — вовсе не судно, движимое силой пара, как это может показаться современному читателю, и как это решил переводчик; «пароход» — это наш теперешний «паровоз», и разговор не случайно идет о «чугунной дороге» (сейчас говорят «железная дорога», но ср. «чугунка»).

Однако вопрос об элементах текста, устаревших со времени Гоголя, отнюдь не исчерпывается констатацией факта. Важно определить, должен переводчик передать дистанцию времени, или установка должна быть только на современный язык. Переводу незачем вводить в недоумение или даже в заблуждение, как это делает оригинал (при отсутствии комментариев) в случаях, скажем, с «машиной» и «пароходом». Но в какой-то мере архаизировать текст было, с нашей точки зрения, совершенно необходимо.

Вопрос этот отнюдь не второстепенен еще и потому, что если в записях Поприщина архаических элементов немного, то в письмах Меджи их гораздо больше, и это различие представляется существенным для всей повести.

Письма Меджи и их стилистика. Исследователи неоднократно обращали внимание на несоответствие содержания и, что для нас особенно важно, стиля писем Меджи и личности Поприщина. Так, Ю. В. Манн, полемизируя с Г. А. Гуковским, утверждает: «...резкого стилистического контраста между «письмами» и дневником Поприщина как раз и нет; фраза Гуковского об «интеллигентной передаче» в «переписке», пожалуй, преувеличение. Это скорее язык обывателя, человека невысокой культуры и вместе с тем стремящегося к «хорошему слогу». Но такая двойственность оказывается благодатной почвой для наивного комизма: нам неясно, вышла ли та или другая черта стиля, тот или другой комический оборот, комический прием из сознательного намерения или невольной беспомощности, неуклюжести «творца»¹⁰. Нам же представляется более убедительной точка зрения, согласно которой этот стилистический контраст является именно **резким**

Безь строй писем Меджи — и лексика, и синтаксис — очень ясно свидетельствует, что перед нами избалованное, капризное и недалекое существо, причем безусловно женского пола. Об этом говорят и язык писем, и отраженная в них психология.

Трудно представить, что какое-либо отношение к Поприщину имеют хотя бы следующие кокетливые строки: «Иной преаляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он презнатная особа,

¹⁰ Ю. В. Манн, *Поэтика Гоголя*, М., «Художественная литература», 1975, с. 109.

думает, что так на него и заглядятся все. Ничуть. Я даже и внимание не обратила, так как бы и не видала его». Это совсем не по-мужски, зато очень похоже не только на барышень и дам у самого Н. В. Гоголя, но и на всю последующую «антидамскую» линию русской литературы, вплоть до купринского «Поединка».

Различие между речью Поприщина и речью Меджи ярко проявляется, в частности, в использовании междометий, непосредственно выражающих эмоционально-экспрессивное значение и поэтому стилистически маркированных. Если у Поприщина их совсем немного (это «эге», «ей-богу», «у!», «ай, ай!», «э!», «а!», «гм!», «эх»), то у Меджи, на сравнительно небольшом отрезке, гораздо больше и они специфичны: очень много «ах!» (семь раз, а у Поприщина нет ни разу) и «о!». Вот и в прямую речь Софи (ее в повести всего только два предложения—в письме Меджи) попало «дамское» междометие, не из лексикона Поприщина, а из лексикона Меджи—«ах!».

Ирония, тем более тонкая, несовместима с Поприщиным, этим героем, «над которым смеются даже собаки»¹¹ и стиль которого—«это помесь чиновничьего стиля с шуточками и вульгарностью пошлейшего пошиба»¹². Что же касается комизма, то его присутствие в письмах Меджи несомненно. И тут дело, думается, не в возможности двойного прочтения, как считает Ю. В. Манн, а в достаточно явственно ощущаемой пародийности писем. Нам кажется, что пародируется псевдоромантизированный сентиментально-романтический светский стиль и, соответственно, стоящий за ним жизненный тип. При этом следует учитывать, что они находились в то время в сложных взаимовлияющих отношениях: манера говорить, предписываемая принятым эталоном, в свою очередь, формировала образ. Порсю пассажи Меджи весьма напоминают даже текстуально какие-то места из Карамзина или Марлинского, возможно для более точной атрибуции явления¹³.

Сам Гоголь к тому времени уже отвергал романтический стиль и псевдоромантические настроения (достаточно вспомнить прямые выпады против них позднее в «Мертвых душах»). Может быть, именно благодаря этому так чиста и так трогает душу истинно романтическая нота в конце «Записок сумасшедшего», генетически восходящая к фольклорной патетике.

Сколько бы ни спорили филологи, прямых указаний на то, что «собачья переписка»—не плод больного воображения Поприщина, в тексте нет. Но сама постановка вопроса не случайна: несмотря на здравый смысл, утверждающий, что собаки писем писать не могут, мы не можем приписать этих писем и Поприщину, ибо он, как метко заметил В. Б. Шкловский, «ограничен стилистическими возможностями своего интеллекта»¹⁴. С нашей же точки зрения, письма вполне могут принадлежать Меджи—еще и потому, что логика художественного произведения хотя и основывается, в конечном счете, на логике жизни, может претерпевать и претерпевает весьма причудливые трансформации.

Уж не раз говорилось, что Поприщин воспринимает Софи сквозь призму ее «генеральства». Что собою представляет Софи на самом деле, мы можем узнать только из писем Меджи. Собственно, Меджи это и есть Софи: если бы Софи писала письма, она рассуждала бы в них так же, как и Меджи, и не случайно они так синхронно заводят романы (Меджи с Трезором, а Софи с Тепловым), не случайно светская болтовня Софи так напоминает стиль писем Меджи.

Как-то не особенно обращают внимания на то, что Гоголь дает не только поступки, но и речи двух «барышень» как бы в зеркальном отображении. Вот всего один пример:

¹¹ В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.-Л., «Наука», 1960, с. 83.

¹² Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. Л., «Гослитиздат», 1958, с. 305.

¹³ Ср., например, у Меджи: «Подлинно справедливо сказал какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь» и у Карамзина: «Один великий психолог, имени которого я не упомяну, сказал, что описание дневных упражнений человека есть вернейшее изображение его сердца». Не случайно за сентенцией Меджи следует ехидный комментарий Поприщина, из-за которого явно выглядывает сам Гоголь: «Гм! мысль подчерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню» (упрек, для Карамзина не новый).

¹⁴ В. Б. Шкловский. Художественная проза, размышления и разборы. М., «Советский писатель», 1961, с. 305.

1. *Но неужели ты думаешь, та chère, что сердце мое равнодушно ко всем исканиям,—ах, нет... Если бы ты видела одного кавалера, перелезающего через забор соседнего дома, именем Трезора. Ах, та chère, какая у него мордочка!*

1. *Ах, Меджи, Меджи! Если бы ты знала, кто это: брэнет, камер-юнкер, а глаза какие! черные и светлые как огонь!*

Возможность романтического прочтения повести снимается не только тем, что, как говорил Г. А. Гуковский, «...романтическая поэза Поприщина—пародия на романтизм, злее которой трудно придумать». «Вечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду ее пр-ва и поджидал долго, не выйдет ли сестра в карету, чтобы посмотреть еще разик,—но нет, не выходила». Самое убийственное в опошлении мечтательной любви здесь, конечно, даже не в выражении «еще разик» и не в том, что плащ заменился шинелью, а в том, что свою героиню, дивное видение романтика, романтик Попрощин называет «ее пр-во!»¹⁵, а также и в том, добавим мы, что Прекрасная Дама, «дивное видение романтика» оказывается пустой светской барышней, да еще и похожа на собственную собачонку, тоже препустую.

Но именно благодаря своей «собачьей» сущности Меджи не совсем принадлежит миру Софи и Телова. Нам кажется, что Н. В. Гоголь использует и одновременно пародирует известный литературный прием—«естественный человек» реагирует на условности общества. Вот как, к примеру, Меджи откликается на значительное для всего дома событие—награждение отца Софи орденом: «Я увидела какую-то ленточку. Я нюхала ее, но решительно не нашла никакого аромата; наконец потихоньку лизнула: соленное немного». Ср. комментарий Поприщина: «Гм! Эта собачонка, мне кажется, уже слишком... чтоб ее не высекли!».

Таким образом, Меджи как бы раздваивается: с одной стороны это избалованная барышня с присущими ей стилем жизни и стилем речи, с другой—«естественный человек».

Итак, мы постарались показать, что письма Меджи в стилистическом отношении весьма отличаются от записей самого Поприщина, и что это различие существенно для восприятия и интерпретации произведения, так как невозможность того, что письма являются плодом большого воображения Поприщина¹⁶, усложняет поэтику повести. Кроме того, в письмах переплетаются два голоса: голос самой Меджи и голос ее хозяйки, Софи, и, наконец, сюда же вплетается голос самого Гоголя; в письмах Меджи он описывает и отвергает тот мир, к которому так стремился его герой.

Из сказанного следует, что отмеченные стилистические особенности несут значительную функциональную нагрузку в тексте повести и должны быть воспроизведены в переводе. Излишне усложненный, манерный, перифрастичный, разоблачающий самое себя стиль «мира Меджи и Софи» необходимо было передать обязательно. К сожалению, этого не произошло. Но дело не только в том, что в переводе исчезают пародийные и архаичные элементы. Порсю переводчик еще и добавляет в текст то, чего там не только нет, но и не должно быть.

1. *Ах, та chère, если бы ты знала, какой это урод (177).* ...рб бш ꙗбꙗ ꙗрбꙗ ꙗꙗ (232)

Как видим, Меджи в переводе называется Поприщина не «уродом», а «чудовищем», что никак не подходит к жалкому и забитому титулярному советнику, который смог освободиться от вьезшегося в кровь и плоть чиновничества, только сойдя с ума. Этот

¹⁵ Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя, с. 310. Отметим, что «разик» никак не отражен в переводе.

¹⁶ Отметим, что о свадьбе Софи с камер-юнкером, столь неожиданной для Поприщина, и столь тяжело подействовавшей на него, он узнал только из письма Меджи, 180

недочет нарушает не только стилистическое правдоподобие, но и сам замысел Н. В. Гоголя: ведь он «объективирует, отражает образ Поприщина в переписке двух собачек... которые... описывают внешность Поприщина»¹⁷. Вообще надо сказать, что в переводе Меджи гораздо «первобытнее»; то ей на ум приходят «чудовища», то она крокодиально говорит, как вкуоны «кости диких птиц»:

1. *Кости хороши только из дичи.* (174).

Լավ են միայն վայրի բռնունների ոսկորները... (229)

В конечном счете кости из дичи—это и есть кости диких птиц, но могла ли так выразиться балованная комнатная собачонка!

1. *Иной преаляповатый, дворяга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он презнатная особа, думает, что так на него и заглядятся все* (176)

Անա քեզ մի որևէ անհոռի բախապահ շուն, որ սարսափելի հիմար է և երեսին հիմարութիւն է գրված, ծանր ու մեծ անցնում է փողոցով ու երեսկայում է, թե ինքը շատ ազնվազարմ անձ է, կարծում է, թե բոլորն էլ հիացած իրեն են նայում: (231)

Дело даже не в том, что «дворяга», т. е. **непородистая собака**, (нюанс, очень важный для «светской» Меджи), стала «стерегущей двор собакой». Дело в том, что живая и нервная фраза в переводе звучит слишком гладко, невыразительно. Разумеется, говорить о каких-то отличиях стиля **такой** Меджи от Поприщина не приходится.

Реалии и фоновые знания. При воссоздании художественного произведения на другом языке и для другого народа перед переводчиком встает проблема передачи исторического и локального колорита, то есть проблема реалий.

Специфика «Записок сумасшедшего» состоит в том, что проблема реалий тесно переплетается с проблемой фоновых знаний, и поэтому их уместно рассматривать параллельно. В нашем случае это, главным образом, «ситуативные»¹⁸ реалии, переводческое страноведение.

1. *...потому что папá хснет непременно видеть Софи или за генералом, или за камер-юнкером, или за военным полковником...* (177).

...որովհետև հայրիկը ուզում է Սոֆիին ամուսնացնել կամ գեներալի, կամ կամեր-յունկերի, կամ զինվորական գեղապետի հետ... (233)

«Военный полковник» для неподготовленного читателя сейчас звучит странно и порусски. Однако это никак не оправдывает переводчика, который ввел в армянский текст «զինվորական գեղապետ». Будь слово «զինապետ» хотя бы опущено, это была бы пусть спорная, но все переводческая позиция, которую можно принимать или отвергать по принципиальным соображениям. Переводчик, однако, даже не попытался **понять** текст оригинала, что обязательно в любом случае, здесь же обязательно вдвойне, так как пренебрежение к детали грозит разрушить логику повествования. Чтобы понять, в чем дело, необходимо вспомнить «Табель о рангах». Вот интересующий нас отрезок:

Гражданские чины:

Военные чины:

- 3. *Тайный советник*
- 4. *Действительный статский советник*
- 5. *Статский советник*
- 6. *Коллежский советник*

- Генерал-лейтенант*
- Генерал-майор*
- Полковник*

¹⁷ В. Б. Шкловский, с. 442.

¹⁸ См. монографию С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». М., «Международные отношения», 1980, с. 33.

7. Надворный советник
8. Коллежский ассесор
9. Титулярный советник

Подполковник
Капитан и ротмистр
Штабс-капитан (ротмистр)¹⁹

Когда «папа» говорит о генерале, то это может быть генерал статской службы, а военный полковник—это уже чин военный, то есть не коллежский советник, который приравнивался к полковнику, а именно военный. Военная служба была почетнее статской, поэтому статского генерала и поставили на одну доску с военным полковником. Что касается камер-юнкера, то это придворное звание ниже генерала, но ценилось благодаря связям с двором, знакомствам и т. д. и давался только юношам из хороших фамилий. Сказанное позволяет правильно понять и такой, к примеру, момент в тексте: после выговора, полученного от начальника отделения (надворного советника), Поприщин записывает в дневнике: «Погоди, приятель! будем и мы полковником, а, может быть, если бог даст, то чем-нибудь и побольше». Почему именно полковником? Надворный советник—это подполковник, и Поприщин мечтает обогнать своего обидчика по службе, а мечты его насчет «чего-нибудь побольше» вызваны тем, что начальник департамента, отец Софи, был уже генералом (статским).

Даже если акцент в тексте не стоит на данной реалии или связанных с нею фоновых знаниях, то переводчик все равно обязан до конца уяснить себе, о чем идет речь, в противном случае его незнание непременно проявится в тексте, как это случилось, когда Поприщин неожиданно для читателя решил стать «գիշապետ»-ом. Сейчас нужна сноска и в русских изданиях, а что касается армянского текста, то можно было воспользоваться приемом объяснительного перевода, или, если это слишком громоздко,—убрать разъяснение в сноску.

Мы отнюдь не возражаем против перенесения в армянский текст эквивалентов должностей, чинов, званий, так как они были характерны для определенного периода жизни всей Российской империи и имели однозначные соответствия в армянском языке. Однако следует учитывать, что армянский массовый читатель весьма далек от досконального знания всех этих тонкостей, и его возможности в этом плане ограниченнее, чем у русского читателя, ибо жизнь чиновничества занимала в классической армянской литературе, «деревенской» по преимуществу, неизмеримо меньшее место, чем в русской. Что касается Гоголя, то прежде чем браться за перевод его произведений, «Табель о рангах» надо знать наизусть: «Никто никогда до него не читал такого полного патолого-анатомического курса о русском чиновнике»—справедливо указывал Герцен²⁰. В произведениях Гоголя мы часто встречаем не только ссылки на положение героя в чиновничьей иерархии, но даже тонкие нюансы в восприятии военного или штатского эквивалентов одного чина; ср., например:

1. В «Носе»: «Ковалев был кавказский коллежский ассесор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и весу, он никогда не называл себя коллежским ассесором, но всегда майором».

2. В «Женитьбе»: «Да, батюшка, как ты там себе не переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет».

Когда реалия не несет особой нагрузки в тексте, перенос осуществляется безболезненно (например, «департамент» вполне резонно переведен как «գիշապետամբիտ», начальник отделения, как «բաժնիմուկերի պետ»), но если фон, который несет с собой реалия, существен для понимания текста, простой перенос нельзя признать приемлемым.

С другой стороны, в иных случаях А. Мазмания переносит в перевод лжереалию и объясняет ее в сноске, что совершенно излишне.

1. ...положили какие-то бумаги, чтобы я
сделал из них экстракт (180).

... ինչ-որ բարձր դեցիմ, որպիսի ես
դրանցից էֆտորակա շինեմ: (237)

¹⁹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 63, СПб, 1901, с. 440.

²⁰ А. И. Герцен, Избранные сочинения. М., «Художественная литература», 1937, с. 406. Курсив Герцена.

К слову «էքստրակտ» дана сноска: *էքստրակտ—ներկա դեպքում նշանակում է հիմնական բովանդակության ամփոփում:*

Очевидно это следовало сказать прямо в тексте: *«Թղթեր... դրանց բովանդակությունը ամփոփելու համար...»:*

Что касается фоновых элементов повести, то их много, однако в целом ряде случаев они интересны сами по себе, но прямого влияния на перевод не оказывают.

Гораздо важнее те случаи, когда они нужны для адекватного восприятия и воссоздания оригинала. Например:

1. *Пунктуация и даже буква «ять» везде на своем месте (174).* Կետադրությունը և նույնիսկ յառ տառը ամենուրեք իրենց տեղն են: (228)

Поприщин отзывается о письмах Меджи с похвалой: они написаны правильно, грамотно. (Известно, что во времена Поприщина «ять» и е фонетически давно уже не различались, и слова, в которых пишется «ять» надо было заучивать). В переводе все это пропало. Правда, А. Мазманян сделал сноску, в которой упомянул, что «ять»—это исчезнувшая буква русского алфавита, но сноска скорее затемнила смысл, нежели прояснила его.

1. *Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье... (176).*

Սոֆին շուտով դուրս եկավ ու սրտիկ պատասխանեց ոտները ֆոֆտացնելով բարեկող երթաճառդին... (232)

«Шаркать ногами» в гоголевском тексте означает «расшаркиваться», то есть речь идет о принятом в прошлом приветствии, когда мужчина слегка пристукивал, щелкал каблук о каблук. У А. Мазманяна же практически получилась шаркающая походка, что довольно странно, чтобы не сказать неприлично, для молодого фатоватого камер-юнкера. В этом случае корни ошибки лежат в невербальной сфере—у переводчика отсутствовали необходимые фоновые знания.

1. *О, это большой честолюбец! Это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и эдаким, но я тотчас заметил, что он масон: он если даст кому руку, то высовывает только два пальца (178).*

Օ, նա շատ պատվասեր է: նա մասոն է, անպայման մասոն, բնե այսպես ու այնպես է ձևաճում, ես իսկույն նկատեի եմ, որ նա մասոն է. եթե նա որևէ մեկին ձեռք է տալիս, ապա միայն երկու մատն է դուրս հանում: (234—235)

Масоны (франкмасоны)—члены религиозно-этического движения, возникшего в XVIII в. и ставившего перед собой утопическую цель объединения всего человечества в рамках религиозного союза. (Масонские ложи активно существуют и сейчас²¹—вспомним разоблачения в связи с деятельностью масонской ложи П-2 в Италии). Масонская ложа—тайная организация со сложной и окруженной мистическим ореолом церемонией вступления. В свете масоны могли узнавать друг друга и определять место встреченного члена «братства вольных каменщиков» в иерархической структуре ложи с помощью особых знаков, и два сложенных пальца—один из таких масонских знаков. С течением времени масонские ложи приобретали все более реакционный характер, но было время, когда с масонством связывали утопические, вольнолюбивые, даже революционные идеи, и правительством подозрительно относилось к их деятельности. Здравомыслящий (положительный) человек не мог быть масоном. По словарю В. Далья «фармасон»—это «вольнодумец, безбожник»²². Отзвуки такого восприятия масонства мы встречаем и в «Евгении Онегине», и в «Горе от ума».

Таким образом, Поприщин обвиняет своего начальника департамента ни больше ни меньше, как в неблагоденности, основываясь на том, что он здороваясь, протягивает всего два пальца. Еще и еще раз поражает мастерство иронии Н. В. Гоголя—ведь

²¹ По данным «Советского энциклопедического словаря» (М., «Советская энциклопедия», 1980, с. 778) в 60-х годах XX века насчитывалось около восьми миллионов членов масонских лож.

²² В. Далья. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, с. 532.

начальник протягивал подчиненным в своем департаменте два пальца из пренебрежения к ним (тоже фондовый элемент невербального языка). Так в днешниковой форме, которая предполагает авторство героя, появляется брешь—пробивается голос самого Гоголя (Поприщин на такую тонкую иронию не способен).

Что же нам говорит перевод? К слову масон сделана сноска, в которой сообщается, что масон—член тайной организации религиозно-этического характера, возникшей в XVIII веке и выражавшей настроения буржуазии и связанных с ней дворянских групп²³. Это никак не объясняет, почему человек, протягивающий два пальца для пожатия, является членом тайной организации религиозно-этического характера, главное,— чем это плохо. Тем самым посылка и вывод Поприщина оказываются не связанными друг с другом, и блестящий образец гоголевской иронии превращается в набор бессмысленных фраз.

Ошибки переводчика. Неточности при переводе отдельных слов и выражений не дают оснований для общей оценки работы, ибо могут встретиться и в самом удачном переводе.

Нельзя, однако, не отметить, что, во-первых, таких ошибок много, а во-вторых, их причина кроется в поверхностном отношении к тексту.

Приведем два примера:

1. *Собаки народ умный, они знают все политические отношения и потому верно там будет все: портрет и дела этого мужа (173).*
2. а) *О, это бестия Полиньяк! (184).*
б) *Что за бестия наш брат чиновник! Ей-богу, не уступит никакому офицеру... (167).*

...կրնի ամեն ինչ,— այդ ամուսնու զմանկացը և բոլոր գործերը: (228)

Օ՛, գազան է այդ Պոլինյակը: (243)

Ինչպիսի՜ անասուն է մեր նման աստիճանավորը: (219)

Ясно, что здесь «муж» отнюдь не «супруг», а слово «бестия» вообще означает по-русски «плут», «пройдоха», но не «зверь» или «животное». Особо хочется отметить, что в обоих случаях контекст явно подсказывал переводчику, что его решение неверно: с какой стати называть отца Софи, директора департамента, «супругом» (не говоря уж о том, что это значение слова «муж» никак не влезает в предложение, где говорится о политических отношениях), если о его жене в повести не сказано ни слова, и он вполне может вообще оказаться вловцом. Иными словами, и контекст предложения и контекст повести сопротивляются решению переводчика. Слово «бестия» оба раза употреблено скорее в положительном, нежели в отрицательном смысле: в первом Поприщин подчеркивает ловкость, изворотливость Полиньяка (Жюль Полиньяк—французский политический деятель того времени), но вовсе не обзывает его зверем. Во втором—с гордостью говорит о донжуанствующих чиновниках, сравнивая их с офицерами, а в переводе почему-то опять обзывает коллег—на сей раз «скотами».

К. Чуковский называл творческие переводы «неточной точностью»²⁴. Проявления переводческой позиции А. Мазмания, к сожалению, слишком часто можно назвать «точной неточностью». Переводный текст повести насыщен буквализмами. Причина их появления, на наш взгляд, кроется опять-таки в невнимательном отношении к оригиналу: следуя букве, переводчик не задумывается о смысле. Мы не считаем целесообразным приводить много примеров (хотя в переводе их предостаточно), так как принципиальной разницы между ними нет, но остановиться хотя бы на некоторых случаях буквального перевода, ставшего причиной переводческой ошибки, необходимо:

1. *Когда я пробрался в шестой этаж и зазвонил в колокольчик, вышла девочка не совсем дурная собою с маленькими веснушками (173).*

...դուրս եկավ ոչ այնքան տղեղ, քիչ զեպենու մի աղբիկ: (227)

²³ Сноска перенесена из русского издания, где она тоже ничего не разъясняет.

²⁴ К. И. Чуковский. Собрание сочинений в 6-ти томах, т. III, «Высокое искусство», М., «Художественная литература», 1966, с. 291.

По злой воле переводчика девчонка «не совсем дурная собою», то есть миловидная, превратилась в девчонку «не очень безобразную».

Особенно пагубными последствиями оборачивается буквальный перевод, когда переводчик, сталкиваясь с устойчивыми оборотами, переносит их в перевод пословно, благодаря чему они воспринимаются как индивидуальное-авторские.

2. ...тебе тогда не стать мне и в подметки... (171).

...դու այն ժամանակ իմ կոշիտակերին էլ շնա արժեճա: (224)

Ср.: «в подметки не станет» — неизмеримо хуже, ниже другого.

2. Ты иной раз метаясь, как угорелый... (166).

Դու երբմե՞ն դես-դե՞ն ես րնկնում ծխահարդ պես... (218)

Компаративный фразеологизм «как угорелый» достаточно десемантизировался. Он означает «суматошно, беспорядочно» и уже не связан с угаром.

Если просто обратиться к русско-армянскому фразеологическому словарю²⁵, то легко можно найти армянские эквиваленты большинству русских оборотов, чего не сделал в приведенных примерах переводчик. Так, «он ему и в подметки не годится» можно было бы перевести как «նրա եղունգը շարժե, կրունկը շարժե, ոտի տակի հողը շարժե», «метаться как угорелый» — как «ստորի տակ կրակ վառվել».

Следует отметить, что предложенные нами варианты опираются всего лишь на языковые параллели, а не на функции фразеологизмов в тексте. У переводчика была свобода выбора — он мог вообще не использовать фразеологизм, если тот его почему-то не устраивал, а подобрать аналогичное по значению и стилистической окраске слово. Ясно одно: нельзя переводить фразеологический оборот пословно.

В заключение еще раз подчеркнем, что переводчик обязан подходить к художественному произведению как к сложному организму, как к единству многих факторов. Даже в такой на первый взгляд непритязательной вещи, как «Записки сумасшедшего», можно выделить, как мы пытались показать, немало особенностей, которые не лежат на поверхности, но тем не менее весьма существенны: бесхитрость дневника душевнобольного чиновника скрывает за собой глубину и силу гоголевской гениальности. Голубя словами шекспировского Полония, «в этом безумии есть своя система». Постичь и воссоздать ее — долг переводчика.

4. ՄԿՐՏՁՅԱՆ — «Խելագարի հիշատակարանը» վիպակը և նրա հայերեն քարզմանությունը. — Ն. Վ. Գոգոլի նշանավոր վիպակը՝ «Խելագարի հիշատակարանը» հայերեն թարգմանվել է երկու անգամ՝ 1886 և 1954 թթ. (Թարգմ. Ալ. Երրվանդյանի, որի թարգմանությունը, ջավոր, մեզ չի հասել և Ա. Մազմանյան): Ելնելով տեսական այն գրությունից, որ թարգմանությունից առաջ բնագիրը պետք է ընկալվի ու վերլուծվի թարգմանչի կողմից՝ հողվածում հատուկ ուշադրություն է դարձվում Գոգոլի վիպակի լեզվաոճական այն առանձնահատկություններին, որոնք էական նշանակություն ունեն տեքստի ճիշտ ըմբռնման ու մեկնարանման համար: Այս տեսանկյունից էլ վերլուծվում է Ա. Մազմանյանի թարգմանությունը և փորձ է արվում կատարել «Խելագարի հիշատակարանը» վիպակի քարզմանական ըմբռնումը, որը կենսական անհրաժեշտություն է ցանկացած համարժեք թարգմանության համար:

²⁵ Русско-армянский фразеологический словарь. Ереван, изд-во ЕГУ, 1975.